

Собр. Успенского, П. В., пост. 1934, № 71

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ф. 627

Он. 2

бг. 70

Ремизов, Алексей Михайлович

Стихотворение его "Иуда"

31 л. л.

1903 г. август

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

1877

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Александр Пушкин 2

Иуда

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

О горькое горе дерзнувшии...
 Поднявшии руку
 Во недвижности посушюи,
 Разбившии сердце
 О камни гражей,
 И плодь отдавшии за претной
 И падшии за мертво
 Къ подложю птайми,

О горе горькое!
 Пусть луише бь матери остались безь загла,

Не сталть на стражб
 Души своевольной,
 Молганьель разъяритте грозу,
 Улыбкою отвальтитте на обиду,

Стереть закомь паравомь,
Убить всей жизни домогамсь,
Оклевятать видьмис ясное,
Предавъ, любя...

Непогранкой проходить только косность, —
Хотящихъ
Воздухъ претомы стасиятъ.

Ступайте жь въ осибъмис !
Ступайте на Позоръ !
Отягоится Душа бѣвѣи кинжала,
Пронзить вьковъ пвсврдимю
И въ даль бѣвѣстности уидеть
Властительно-гужой, великой,
И тамъ займетя пожаромъ молній,
Повиснеть въ туль туманно-тяжкой
Стоятого дыханя клеветь-наветовъ.

О горе, горе !
Влажность казми.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ⁵

*Костри Позоровъ.
Людская слава.*

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Лучтинно-пурпурное небо небесных вечерець
 звездами-цвельтами тлеткую тишь овляло.
 Надъ моремъ луна вытывала по камушкамъ
 бисерно розовымъ дороги Полнозной
 покорнахъ, маршая.
 Тьма деревьевъ въ шумахъ заснувшихъ,
 перьясь, касались, какъ трауръ мардмьей
 души одинокой.
 Въ тринадцати одинъ,
 вьсьхъ ближе къ Первому,
 для Первого толстой затертый,
 похуро-сгорбленный, тяжсь,
 какъ самый вьрный,
 куда скважно снуеть свою тоску.
 Тьхъ голоса, какъ перетертыхъ веревки,
 казойливо свистять, скрптя
 о колотящееся сердце

пустой груди, где отзвуки
выбрасывают желанья
растерянно,
затупанно,
ревливо...

"И мне еще мене ради
погубить свою душу
обращать ю."

Обезображенная голова Иоанна
гмила и возродилась.
Потупленные талою оти
струши тяжкую, хрваваю молодбу.
Крикъ въбшежных свичей изъ Беркесима
засохъ гугунныхъ звономъ
по упокою-вздохамъ
ливъ льнящихся,
на торжищахъ гмусливыхъ
и въ пбнля Пбнля.
Морскія волны пбнились,
рвались за нощь, за небо
пугунныхъ, беззорныхъ,
и бляя стола легка,

какъ пожеланія,
 ступала по груди kloкогущей,
 и слѣдъ, рябь, сѣлъ.
 Навзрѣдъ ридали
 въ смятеньѣ Таира стѣхи,
 и тлѣнїе ползло, какъ ураганъ...
 Но мертвый
 только сталъ.

Грядетъ! Грядетъ!
 Благословенъ Грядущій!
 Осанна въ вышнихъ!
 Какъ пѣль, метелка
 тупая чернь,
 бичами хлещетъ
 сѣние тайны.

Безсмысленныхъ головъ живанье
 и рухъ простертыхъ привѣнье —
 маякъ на морѣ,
 верста въ дорогѣ,
 крестъ перекрестный.
 Какъ царь ступаетъ,
 ногами толкаетъ

Кризисъ камня,
 Оно свершится:
 Предстанутъ соими
 разяще - красныхъ
 члвкй порфирныхъ;
 на горизонтъ синель
 оптверзутся ступлехи
 пожаромъ страшнымъ,
 кабаломъ темнымъ
 прорвнуть землю.
 Настанетъ царство
 надъ царствомъ золотое
 неизреченной силы,
 несбыточныхъ желаній.
 Трядеть! Трядеть!
 Осанна въ вышнихъ!

Тмемъ буденъ засыпается
 по столптамъ дорогамъ,
 Исусъ въ одеждѣ смертныхъ
 бднствующихъ предгвствій
 бросаетъ городъ.

Надъ городомъ мерцающе
скользящей молвы,
и шопотъ страшный
людского гнева,
и рокотанье
грядущей смерти...
Въ лобзаньяхъ твѣхъ
первящая Проклятій,
Закушенной первящи,
съ оташи ада,
сегодня Назаръ
въ весельѣ жизни.
Спучъ гроите Тима,
глуше гнѣты Порабощенья.
Бурлящій смуты гласъ
и гласъ Пророковъ.
Сбезлужныхъ суморокъ
безрѣзная Печаль.

Ного напролѣтъ,
глазъ не смыкая,
надъ моремъ влчущихъ
душь кипящихъ

искал Иуда...
Весь содрогался
в оный летаний
и разрушался
подъ гнетомъ пльхнымъ
зловещайи.
Осудятъ на смерть...
въ Иерусалимъ...
Осудятъ Бога,
какъ Адама...
Но голосъ гдѣ то,
какъ взрвѣдъ прощальный,
судьбой ридаетъ:
"Едики, едики отъ васъ..."

По утру, возвращаясь,
взвѣкала Христосъ,
Смоковница пустая
не приютила.
Тогда отъ слова
зелень листсева,
шурша, свернулась,
и терноста проклятъя

изгла стѣя.
 Аще вѣру имате
 и не усумнитесь
 не токмо сеговѣстное сотворите.

Продажиши строев,
 какъ Предателя,
 замкнуто-путо,
 лукавства Толмы,
 и озираея и выгляда,
 всея въ ликованья,
 клубящаяся подь броней
 и въ бронной вѣрѣ,
 Искариотъ ступаетъ
 въ жилище вражде
 нежданннхъ друговъ.
 И тамъ, торгуясь,
 въ шпіонской маскѣ
 Неотъемнаго цѣною мѣритъ.

О, Господи,
 я предавалъ Тебя

в твоих твореньях дивных
 и самых близких
 земному сердцу.
 Я жаждал искупления,
 я жаждал гуда
 во исканьях пылких твоих.
 Хотел встать на судьбу пятою,
 расшатать,
 поправить что-то...
 И сколько раз,
 любя и вбрав,
 тяжелей словом
 оскорбленье бросал за оскорбленья
 и наносил любви желанной
 за раной рану.
 И вдруг, отгнувшись,
 предателя клеймо я ощущал
 и, осчастливленный низостью,
 поттал поруганное сердце.

Тринадцать тайно
 в домъ человек
 сошлись на праздник

и возлежали.
 И ветеръ въщій
 въялъ въстать
 грядущей муки.
 И оловянные Христосъ готовилъ
 къ раскрытью тайны.
 Аминь, аминь, глаголю вамъ,
 единъ отъ васъ
 предасть меня.
 Иоаннъ, прижавшійся
 къ груди Христовой,
 - Кто есть, о Господи, - глагола.
 - - - - -
 И, облокнувъ кусокъ,
 Христосъ Юдѣ подалъ.
 "Еже твориши,
 скоро сотвори."
 И вышелъ вонъ
 тогда Юда,
 въ сущенствѣ странномъ
 предъ всезнавелью
 и восхищенный
 предъ избранелью...

Ночь туманомъ зимнимъ
 терной каплей - слезой холодной
 дробила нѣжность аромата
 цвѣтовъ поблѣкшихъ.

Предпраздничная тишь
 и выжиданье стояли,
 затаявъ дыханье,
 на сторожѣ
 часовъ бвущихъ.

Оружіемъ, толпа, бряца,
 залитая воргливимъ свѣтомъ
 свѣтильниковъ дымящихъ,
 ворами крадется

за стынущій Хедрокъ
 къ алмазамъ никельнымъ,
 стивающимъ страданья
 неотвратимой Каши...

Съ горящимъ взоромъ ожиданья,
 какъ мать къ ребенку,
 алкающе къ звону,
 къ Христу подходитъ
 Юда вбренный.

И, припада къ устами любимымъ,
 любви устами

Путь открывается
къ побѣдѣ горней.
Гавви! Гавви!

Покорнымъ зѣреамъ
и кровожаднымъ
толпамъ свой кругъ
непроходимый кружить,
Поеть брацанье,
Уады гернитъся,
тѣла смѣкая,
сѣбѣ равняя
шаговъ стѣпашущихъ.

Лѣтухъ трикратно возвѣстивъ
зарю ненастья.
Разрушныя пробрались облака
по свѣти строй
на тронъ разрушенный восхода.
?! Свѣтій свѣтъ мелокнулъ
и сталь разсѣиватьъся
по землѣ, по небу,

всѣ тайные углы свѣта
и разиравя слитишете зрѣти
сонливой совѣсти.
Огни костровъ, старѣя, меркнутъ.
И Петръ ушелъ отъ Каиафы
униженно-совестный,
въ тѣняхъ презрѣнья,
цѣпляющимся раскаянтемъ
надрываясь.
Послушная толпа
избитого Христа
къ Пилату повела.

Равви! Равви!...
Одинъ Юда
съ поскою страшной
страшнѣе поитки.
Бѣлый свѣтъ погитъ, погитъ душу.
Разсвѣтъ не поумитъ,
разсвѣтъ лишь растахнетъ Лигто
на лѣствѣ рая.
О, этотъ свѣтъ погаситъ!
Всѣ проглядѣвъ глаза

урбтѣ искалъ сѣняе,
 ноги разсвѣчалъ
 и въ тишинѣ дрожащей,
 вливахъ пѣвѣй пѣснь,
 вникалъ мегтѣ.
 Распято время,
 растластани его движенья...
 Бѣгите, бѣгите мгновеня!
 Хотѣ каплей, хотѣ песчинкой
 завѣсу распахните,
 зажгите солнце новое!
 Мозгъ свинцовымъ плавомъ
 повисъ и давить тереть.
 Движимы клубками
 душати думы сердце.
 Одѣ, одѣ...
 Распни! Распни!
 Туда задохнуся
 подъ вѣрнымъ лезвемъ
 гремящей правды.
 Учреть,
 сгнѣть...
 Христосъ Тудѣ равенъ,
 въ Кемъ теовѣкъ посѣямъ...

И телобька предаа телобька...
Растки! Растки!...
Даи опивтъ мнѣ, Тегова!
Ты подымалъ меня
на облака Синая
и ковую скрижалъ
изъ молнйи выскалъ
и путъ громами устичалъ
сквозе ада мукъ...
Вель, вель...
Туда, какъ дитя больное.
Безпомощно занели руки:
обмана просятъ.
Тлизаны восточинаквель,
гирляндами любви повиты,
любви низвергнутой,
ревнивой о любви...
А именель Твоиль бсовъ...
Уиреть,
сгнеть...
Тяжелыми кошками
распалось сердце.
Кетоправимое вползло,
загрызло...

Получилась душа.
 Безумие тихое
 неслышно пригвоздило
 к кресту позора.

Ползкомъ проползъ
 къ старбишникамъ Гуда.
 И полумертвыми словами
 въ тоскъ кромешной
 передъ презрѣнными презрѣнный
 рассказъ:

"Созрѣвшимъ я, предавъ
 кровь невиннаго."

И, бросивъ сребренники въ храмъ,
 бездомный, разрушенный до тла,
 въ послѣднее убѣжище онъ постучался
 къ тебѣ, о матери покинутыхъ,
 Смерть.

Я слышу рыданье
 Лорганной вѣры,
 Я внимаю лобзанью
 Изъ вѣрныхъ вѣрнаго
 Гуды.